

**Международный пакт
о гражданских и политических
правах**

Distr.: General
16 January 2020
Russian
Original: English

Комитет по правам человека**Решение, принятое Комитетом в соответствии
с Факультативным протоколом относительно
сообщения № 2912/2016* ** *****

<i>Сообщение представлено:</i>	К.К. и другие (представлены адвокатом Иренеушем Ц. Каминьским)
<i>Предполагаемые жертвы:</i>	авторы и их скончавшиеся родственники
<i>Государство-участник:</i>	Российская Федерация
<i>Дата сообщения:</i>	27 октября 2016 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение в соответствии с правилом 92 правил процедуры Комитета, препровожденное государству-участнику 28 декабря 2016 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия решения:</i>	5 ноября 2019 года
<i>Тема сообщения:</i>	непроведение эффективного расследования обстоятельств казни советскими властями военнопленных – родственников авторов
<i>Процедурные вопросы:</i>	приемлемость <i>ratione temporis</i> ; обоснованность утверждений
<i>Вопросы существа:</i>	право на жизнь; внесудебная казнь; эффективное средство правовой защиты; жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание
<i>Статьи Пакта:</i>	2 (3) в совокупности со статьей 6; статьи 7; 14; 17 и 19
<i>Статьи Факультативного протокола:</i>	1 и 2

* Принято Комитетом на его 127-й сессии (14 октября – 8 ноября 2019 года).

** В рассмотрении сообщения приняли участие следующие члены Комитета: Танья Мария Абдо Рочоль, Яд Бен Ашур, Илзе Брандс Кехрис, Ариф Балкан, Ахмед Амин Фатхалла, Сюити Фуруя, Кристоф Хейнс, Бамариам Койта, Марсиа В.Дж. Кран, Данкан Лаки Мухумуза, Эрнан Кесада Кабрера, Василька Санцин, Жозе Мануэл Сантуш Паиш, Юваль Шани, Элен Тигруджа и Гентиан Зюбери.

*** Совместное (частично несогласное) мнение членов Комитета Илзе Брандс Кехрис и Арифа Балкана приводится в приложении к настоящему решению.

1. Авторами сообщения являются К.К., 1940 года рождения, И.Э., 1936 года рождения, В.В.-Е., 1940 года рождения, В.Р., 1938 года рождения, Г.Э., 1935 года рождения, А.Т., 1933 года рождения, и Е.Л.В., 1930 года рождения. Все авторы являются гражданами Польши. Они представлены адвокатом Иренеушем Ц. Каминьским, членом Института исследований права Польской академии наук. Факультативный протокол вступил в силу для Российской Федерации 1 января 1992 года.

Факты в изложении авторов

2.1 В сентябре 1939 года советские войска вторглись в восточную Польшу, в результате чего были пленены или арестованы около 250 000 польских военнослужащих, пограничников, полицейских, тюремных надзирателей, государственных чиновников и других должностных лиц. Некоторые из них были освобождены, а другие отправлены в специальные лагеря для заключенных, созданные Народным комиссариатом внутренних дел (НКВД) в Козельске, Осташково и Старобельске.

2.2 В начале марта 1940 года глава НКВД Лаврентий Берия направил на утверждение Генеральному секретарю Коммунистической партии Советского Союза Иосифу Сталину предложение о расстреле польских военнопленных как врагов Советского государства. В этом предложении указывалось, что в лагерях для военнопленных содержатся 14 736 бывших военнослужащих и полицейских, из которых более 97% по национальности являются поляками, и что еще 10 685 польских граждан содержатся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии. Политбюро ЦК ВКП(б) 5 марта 1940 года одобрило это предложение и отдало приказ о расстреле заключенных военнопленных. Дела должны были рассматриваться «тройкой» НКВД¹ без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения.

2.3 В период с апреля по май 1940 года были казнены 21 857 человек. Только 395 заключенных были освобождены. Заключенные из Козельского лагеря были убиты недалеко от Смоленска, в месте, известном как Катинский лес; заключенные из Старобельского лагеря были расстреляны в тюрьме НКВД в Харькове, а их тела захоронены недалеко от села Пятихатки; полицейские из Осташкова были убиты в тюрьме НКВД в Калинин (ныне Тверь) и захоронены в селе Медное.

2.4 Авторы утверждают, что в 1940 году были убиты их указанные ниже родственники:

- М.А., 1903 года рождения, отец К.К. и И.Э., взят в плен после 20 сентября 1939 года, убит в Твери и захоронен в Медном;
- В.В., 1909 года рождения, отец В.В.-Е., взят в плен 19 или 20 сентября 1939 года, убит 30 апреля 1940 года и захоронен в Катыни;
- С.Р., 1883 года рождения, дед В.Р., взят в плен около 20 сентября 1939 года и захоронен в Катыни;
- С.Э., 1900 года рождения, отец Г.Э., предположительно убит в Харькове и захоронен в Пятихатках;
- Ш.Т., 1900 года рождения, отец А.Т., арестован 17 сентября 1939 года, убит в Твери и захоронен в Медном;
- А.В., 1897 года рождения, отец Е.Л.В., арестован в октябре 1939 года, убит в Твери и захоронен в Медном.

2.5 В 1942 и 1943 годах германская армия, продвигаясь на территорию Советского Союза, обнаружила массовые захоронения в районе Катинского леса. Была создана международная комиссия в составе 12 судебно-медицинских экспертов. Она провела

¹ Судебная комиссия, которая провела разбирательство в порядке упрощенного судопроизводства.

экспертные работы с апреля по июнь 1943 года. Были извлечены останки 4 243 польских офицеров, из которых 2 730 были идентифицированы. Среди опознанных лиц были родственники двух авторов – С.Р. и В.В. Комиссия пришла к выводу, что ответственность за эти массовые убийства лежит на советских властях. Советские власти отрицали ответственность за убийства, и в 1943 году НКВД создал Специальную государственную комиссию под председательством Николая Бурденко, которая 22 января 1944 года пришла к выводу, что польские военнопленные были казнены немцами осенью 1941 года.

2.6 Председатель Комитета государственной безопасности (КГБ) (ранее НКВД) Александр Шелепин предложил Генеральному секретарю КПСС Никите Хрущеву уничтожить учетные дела и другие материалы, касающиеся расстрела польских военнопленных, за исключением протоколов заседаний тройки НКВД, которая осудила указанных лиц к расстрелу, и актов о приведении в исполнение решений троек.

2.7 13 апреля 1990 года советское информационное агентство ТАСС публично заявило о том, что Берия и его подчиненные несут прямую ответственность за казни в Катынском лесу и что советская сторона выражает глубокое сожаление в связи с Катынской трагедией.

2.8 22 марта 1990 года прокуратура Харькова возбудила уголовное дело по факту обнаружения массовых захоронений останков польских граждан в лесопарковой зоне города. 20 августа 1990 года было возбуждено уголовное дело в отношении Берии и других должностных лиц НКВД, имевших воинские звания. 27 сентября 1990 года это дело было передано в Главную военную прокуратуру Советского Союза, которая начала расследование по уголовному делу № 159.

2.9 Летом и осенью 1991 года польские и российские специалисты провели эксгумацию останков тел в местах массовых захоронений в Харькове, Медном и Катыни. Они также изучили архивные документы, касающиеся массовых убийств в Катыни, опросили не менее 40 свидетелей и поручили провести судебно-медицинскую экспертизу. На основании изучения жетонов военнослужащего были установлены личности 22 погибших.

2.10 17 марта 1992 года была сформирована российская комиссия экспертов для оценки выводов, которые могут быть сделаны на основании материалов и доказательств, собранных в ходе расследования по делу № 159. Главный прокурор, проводивший расследование, 13 июня 1993 года подал ходатайство о принятии процессуального решения о прекращении уголовного дела в связи со смертью всех обвиняемых. Он выступил с предложением о том, чтобы признать Сталина и его сообщников в Политбюро виновными в преступлениях против мира и человечности, военных преступлениях и геноциде против польских граждан на основании пунктов а), б) и в) статьи 6 Устава Нюрнбергского международного военного трибунала. Кроме того, он предложил признать членов Комиссии Бурденко виновными в злоупотреблении властными полномочиями и утверждал о том, что лица, исполнявшие незаконные приказы, должны были быть приговорены к суровому наказанию, в том числе смертной казни. Это ходатайство было отклонено Главным военным прокурором.

2.11 Правительство Российской Федерации в ряде решений признало, что польские граждане, расстрелянные на основании постановления Политбюро от 5 марта 1940 года, являются жертвами политических репрессий. 19 октября 1996 года было принято решение № 1247 об установлении мемориалов в местах захоронений советских и польских граждан, ставших жертвами тоталитарных репрессий в Катыни и Медном.

2.12 21 сентября 2004 года Главный военный прокурор прекратил уголовное дело № 159 в связи со смертью всех обвиняемых. Этому решению, а также 116 из 183 томов уголовного дела был присвоен гриф «совершенно секретно». Решение было объявлено 11 марта 2005 года Главным военным прокурором. Он заявил, что было установлено, что на территории бывшего Советского Союза находились 14 542 заключенных, и был подтвержден факт гибели 1 803 из них. Было объявлено,

что эти массовые убийства не представляют собой геноцида и что в связи со смертью обвиняемых должностных лиц нет никаких оснований рассматривать это дело в судебном порядке.

2.13 Большинство авторов неоднократно обращались в различные российские органы власти за информацией о ходе рассмотрения уголовного дела, касающегося событий в Катыни. 21 апреля 1998 года О.В., мать В.В.-Е., получила от Главной военной прокуратуры ответ на свое ходатайство о реабилитации ее мужа В.В. В ответе отмечалось, что В.В. содержался в качестве военнопленного в Козельском лагере и был казнен в 1940 году вместе с другими заключенными, однако вопрос о его реабилитации может быть рассмотрен только после завершения расследования уголовного дела № 159. 18 января 2006 года Главная военная прокуратура отклонила ходатайство о реабилитации в связи с невозможностью установить правовые основания, на которых В.В. был приговорен к смертной казни.

2.14 Авторы подали в России две жалобы: о реабилитации их убитых родственников в соответствии с положениями Закона о реабилитации 1991 года и о решении о прекращении уголовного дела. 21 февраля 2008 года авторы подали в Генеральную военную прокуратуру ходатайство о реабилитации своих родственников. 13 марта 2008 года Главная военная прокуратура отказалась рассматривать их ходатайства по существу. Прокуратура сообщила авторам, что в ходе совместного расследования, проведенного польскими, украинскими, белорусскими и российскими правоохранительными органами, материалов уголовных дел или других документов, на основании которых были приняты решения о приведении в исполнение смертных приговоров в отношении жертв в 1940 году, обнаружено не было и что с тех пор возможность их обнаружения была утрачена. В отсутствие таких материалов невозможно установить, может ли закон «О реабилитации» применяться к убитым родственникам. Жалоба авторов в Хамовнический районный суд города Москвы была оставлена без удовлетворения 24 октября 2008 года, а их последующая жалоба в Московский городской суд была оставлена без удовлетворения 25 ноября 2008 года.

2.15 4 мая 2008 года авторы обжаловали постановление Главной военной прокуратуры о прекращении Катынского уголовного дела в Хамовническом районном суде города Москвы. Они обратились в суд с просьбой признать это постановление незаконным и предоставить им статус потерпевших по Катынскому уголовному делу. Решением Хамовнического районного суда от 5 июня 2008 года эта жалоба была оставлена без удовлетворения. Авторы обжаловали это решение в судебную коллегия по уголовным делам Московского городского суда, которая 7 июля 2008 года оставила решение районного суда без изменения. 20 августа 2008 года авторы подали жалобу в Московский окружной военный суд. 14 октября 2008 года Московский окружной военный суд вынес постановление, в соответствии с которым жалоба была оставлена без удовлетворения. 29 января 2009 года кассационная жалоба авторов в Военную коллегия Верховного Суда Российской Федерации была оставлена без удовлетворения. В ходе разбирательства по вопросу о прекращении уголовного дела власти пришли к выводу об отсутствии доказательств того, что родственники авторов были казнены после того, как их отправили из лагерей, поскольку их останки среди 22 тел, опознанных в 1991 году, не обнаружены. При таких обстоятельствах нет оснований для признания авторов в качестве потерпевших по данному делу и предоставления им доступа к документам, относящимся к материалам расследования и судебного разбирательства. Ссылаясь на сообщение Главной военной прокуратуры от 21 апреля 1998 года, суды указали, что подтверждение казни В.В. было дано по материалам незаконченного производства уголовного дела и впоследствии не подтвердилось результатами проведенного расследования.

2.16 Исчерпав внутренние средства правовой защиты, авторы подали жалобу в Европейский суд по правам человека². 16 апреля 2012 года Суд вынес свое решение. Он пришел к выводу о том, что рассмотрение жалобы авторов по статье 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (эффективное расследование массовых убийств) не входит в его компетенцию *ratione temporis*, однако постановил, что имело

² См. *Яновец и другие против России*, жалобы № 55508/07 и № 29520/09.

место нарушение прав четырех авторов по статье 3 Конвенции (унижающее достоинство и бесчеловечное обращение). Впоследствии дело было передано в Большую Палату Суда, которая вынесла свое решение 21 октября 2013 года. Большая Палата пришла к выводу об отсутствии компетенции *ratione temporis* для рассмотрения жалобы на нарушение статьи 2 и об отсутствии нарушений статьи 3 Конвенции.

Жалоба

3.1 Авторы утверждают, что проведенное Россией расследование массового убийства в Катыни не отвечало основным требованиям эффективного расследования в нарушение их прав по статье 2 (пункт 3), рассматриваемой в совокупности со статьей 6 Пакта. Они утверждают, что в ходе расследования им не был предоставлен статус потерпевших, в результате чего они не могли участвовать в судопроизводстве; что у них не были взяты показания; что не были проведены базовые мероприятия по собиранию доказательств, такие как раскопки; и что правовая оценка массовых убийств была неадекватной. Авторы утверждают, что жалоба является приемлемой *ratione temporis*, поскольку российские власти несли обязательство продолжающегося характера по расследованию этих массовых убийств, а невыполнение этого процессуального обязательства имело место уже после ратификации.

3.2 Авторы утверждают также, что обращение, которому они подверглись со стороны российских властей, представляло собой нарушение их прав по статье 7 Пакта. Они отмечают, что в ходе судебных разбирательств суды постановили, что обстоятельства случившегося с их родственниками установить не удалось, вопреки предыдущим заявлениям Военной прокуратуры 1998 года, в которых одна из авторов была проинформирована о том, что ее родственник был казнен (см. пункт 2.13 выше), и вопреки заключению по результатам расследования, проведенного в 1943 году, в ходе которого были установлены личности двух родственников авторов (см. пункт 2.5 выше). Они утверждают, что после принятия решений властей государства-участника их родственники, считавшиеся погибшими, получили статус «исчезнувших». Они утверждают, что такие заявления, отрицающие исторические факты и предыдущие утверждения, должны рассматриваться как причиняющие им тяжкую моральную боль, страдания и стресс, выходящие за рамки эмоциональных переживаний, которыми обычно сопровождается убийство близкого родственника.

3.3 Авторы также заявляют, что представленные факты могут свидетельствовать о нарушении статей 14, 17 и 19 Пакта.

Замечания государства-участника

4.1 В вербальной ноте от 23 мая 2018 года государство-участник оспаривает приемлемость сообщения. Ссылаясь на статью 1 Факультативного протокола к Пакту, государство-участник утверждает, что в качестве государства – продолжателя Советского Союза оно является участником Пакта с 23 марта 1976 года. События в Катынском лесу произошли в 1940 году, почти за 36 лет до вступления Пакта в силу для государства-участника и более чем за 26 лет до принятия Пакта в 1966 году.

4.2 Государство-участник считает, что авторы не подпадают под юрисдикцию государства-участника и поэтому не могут подавать жалобу в Комитет в соответствии со статьей 1 Факультативного протокола.

4.3 Ссылаясь на заключение Большой Палаты Европейского суда по правам человека по делу *Яновец и другие против Российской Федерации* относительно отсутствия у Суда временной юрисдикции, государство-участник утверждает, что период времени между предполагаемой смертью родственников заявителей и датой вступления в силу Пакта для государства-участника не только во много раз превышает периоды, которые приводят к возникновению процессуального обязательства по статье 6 Пакта, но также является слишком продолжительным в абсолютном выражении для установления подлинной связи между предполагаемой смертью родственников заявителей и вступлением в силу Пакта для государства-участника.

4.4 Кроме того, государство-участник отрицает существование процессуального обязательства по статье 6 Пакта с учетом того, что расследование по уголовному делу проводилось по политическим мотивам, как жест доброй воли с российской стороны, и потому не может оцениваться с точки зрения процессуальных требований статьи 6. Только события, произошедшие после принятия Пакта, могли способствовать возникновению процессуального обязательства; расследование спустя 50 лет после событий 1940 года, когда потерпевшие были уже мертвы и важнейшие документы уничтожены, не могло носить эффективный характер и не может быть таковым в будущем через 70 лет.

4.5 Государство-участник утверждает, что отсутствие нарушения материальной составляющей статьи 6 исключает возможность рассмотрения вопроса о нарушении процессуального аспекта статьи 6.

4.6 Государство-участник отмечает, что предварительное следствие по Катынскому делу проводилось не по обстоятельствам смерти родственников заявителей, а для того, чтобы установить ответственность должностных лиц НКВД за преступление, в результате которого за несколько десятков лет до возбуждения уголовного дела погибли лица, содержащиеся в лагерях НКВД. Соответствующее уголовное дело было возбуждено и в последующем прекращено. К тому времени сроки давности по указанным преступлениям истекли. Государство-участник не возбуждало уголовное дело по факту смерти родственников авторов вследствие отсутствия достаточных данных о смерти этих лиц, так как их останки не были обнаружены. Авторы не обращались ни в компетентные органы СССР, ни в компетентные органы государства-участника с заявлением о возбуждении уголовного дела по факту смерти их родственников. По результатам рассмотрения жалоб заявителей суды государства-участника пришли к выводу, что достаточные данные, свидетельствующие о гибели родственников заявителей в результате превышения власти должностными лицами НКВД, отсутствуют. Государство-участник делает вывод о том, что оно не могло иметь позитивных обязательств по статье 6 Пакта, поскольку факт гибели родственников авторов не был установлен, а срок давности по соответствующим преступлениям истек.

4.7 В этой связи у следственных органов отсутствовали основания как для признания авторов потерпевшими в соответствии со статьей 42 Уголовно-процессуального кодекса, так и для ознакомления авторов с материалами уголовного дела.

4.8 Государство-участник делает вывод о том, что жалобу авторов по статье 6 следует признать неприемлемой вследствие ее недостаточного обоснования в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

4.9 Государство-участник отвечает на утверждение авторов о том, что обращение властей с ними во время расследования Катынского дела и после его прекращения было унижительным и бесчеловечным и составляет нарушение статьи 7 Пакта. Государство-участник утверждает, что для возникновения вопроса о нарушении статьи 7 Пакта должно быть продемонстрировано наличие двух элементов: заявители должны были испытывать неопределенность в отношении судьбы их родственников в течение некоторого периода времени; и действия государства-участника должны были усиливать их страдания в течение такого периода. Что касается первого элемента, то, хотя судьба родственников заявителей не могла быть определена с точностью, необходимой для целей уголовного или реабилитационного производства, не было оснований ожидать, что к 1 января 1992 года (дата присоединения государства-участника к Факультативному протоколу) они могли быть еще живы, учитывая даты их рождения и отсутствие от них каких-либо известий со времени Второй мировой войны. При отсутствии первого элемента не могут возникнуть отдельные вопросы в рамках статьи 7 Пакта.

4.10 Государство-участник ссылается на судебную практику Европейского суда по правам человека и утверждает об отсутствии «особых факторов», которые могли бы придать страданиям заявителей «степень и характер, отличные от эмоциональных потрясений, которые могут рассматриваться как неизбежные страдания

родственников жертв грубых нарушений прав человека»³. Что касается первого фактора – «близости семейных уз», то пятеро из заявителей были рождены после ареста их родственников. Второй фактор – «степень, в которой член семьи был свидетелем рассматриваемых событий», отсутствовал, так как никто из заявителей не видел событий, которые привели к смерти их родственников. Третий критерий – «участие членов семьи в попытках получить информацию об исчезнувшем лице» – не соблюден, так как заявители не принимали участие в расследовании Катынского дела, не обращались с ходатайствами и не давали показаний. Хотя расследование широко освещалось в российских и польских средствах массовой информации в течение более 14 лет, только после прекращения расследования двое заявителей, а затем и другие заявители попросили предоставить им формальный процессуальный статус. Степень влияния четвертого фактора – реагирование властей на представленные запросы – в данном случае ниже ввиду периода в 50 лет, который отделяет катынские события от даты возбуждения уголовного дела, а также ввиду того факта, что заявители более не пребывали в состоянии неопределенности относительно судьбы их родственников. Действия национальных органов были оправданы, поскольку реабилитация польских заключенных была невозможна ввиду отсутствия какой-либо информации об обвинениях, выдвинутых против них. Органы власти не имели правовой обязанности устанавливать местонахождение заявителей или предоставлять им статус потерпевших, так как отсутствовали достаточные доказательства для установления причинно-следственной связи между катынскими событиями и смертью родственников заявителей в соответствии с уголовно-правовым стандартом доказанности. Заявители никакому унижающему достоинство обращению в связи с манерой, в которой органы власти реагировали на их запросы, не подвергались. Государство-участник делает вывод о том, что жалоба авторов по статье 7 Пакта является необоснованной.

4.11 Государство-участник утверждает, что авторы не обращались во внутренние суды с требованиями о защите их прав, гарантируемых статьями 17 и 19 Пакта, и не обосновали их нарушение в своем представлении Комитету. Эти утверждения следует считать неприемлемыми в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола ввиду исчерпания внутренних средств правовой защиты.

4.12 Затем государство-участник подробно описывает разбирательства, проведенные по жалобам авторов в связи с вопросом реабилитации их родственников и решением о прекращении уголовного дела, и утверждает, что жалобы авторов были должным образом рассмотрены национальными судами и их права по статье 14 Пакта были соблюдены. Оно утверждает, что Катынское уголовное дело по обвинению ряда должностных лиц НКВД в совершении преступления, предусмотренного статьей 193-17 Уголовного кодекса 1926 года, т. е. злоупотребления властью, выразившегося в принятии незаконных решений о применении в отношении 14 542 польских граждан расстрела, что повлекло смерть 1 803 человек (после эксгумации были идентифицированы только 22 человека), прекращено на основании пункта 4 части 1 статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса за их смертью. Другими основаниями для прекращения уголовного дела были пункт 2 части 1 статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса (отсутствие состава преступления) в отношении других лиц и пункт 1 части 1 статьи 24 (отсутствие события преступления) в отношении установления признаков геноцида.

4.13 В заключение государство-участник заявляет, что жалобы авторов по статьям 2, 6, 7, 14, 17 и 19 Пакта следует считать неприемлемыми. Их жалобу по статье 6 следует признать неприемлемой *ratione temporis*. Государство-участник утверждает, что оно не нарушило права авторов, закрепленные в Пакте.

Комментарии авторов к замечаниям государства-участника

5.1 8 октября 2018 года авторы представили свои комментарии к замечаниям государства-участника. Авторы отмечают, что расследование, начавшееся в обстановке прозрачности и опиравшееся на установленные исторические факты,

³ См. Европейский суд по правам человека, *Гонгадзе против Украины*, жалоба № 34056/02, пункт 184, и *Орхан против Турции*, жалоба № 25656/94, пункты 357–358.

документы и собранные доказательства (расстрельные списки военнопленных и заключенных, доставленных для приведения в исполнение смертных приговоров на объекты НКВД, эксгумационные работы и т. д.), завершилось в 2004 году в обстановке секретности и отрицания. Статус лиц, считавшихся убитыми в 1940 году, был изменен на «исчезнувших». Авторы вновь заявляют о том, что имена их родственников указаны на мемориалах, сооруженных на местах захоронения в Катыни (Россия) и Харькове (Украина).

5.2 Авторы утверждают, что российские власти отклонили ходатайство о реабилитации, поданное от имени двух польских заключенных, значившихся в числе 22 заключенных, останки которых были опознаны в 1991 году. Судья Хамовнического районного суда установил, что пулевое отверстие в черепе этих лиц свидетельствует лишь о том, что в отношении этих лиц было применено огнестрельное оружие, а не о том, что эти лица были застрелены государственными должностными лицами или стали жертвами политических репрессий.

5.3 Авторы подчеркивают, что массовое убийство в Катыни представляло собой военное преступление и преступление против человечности и не подпадает под действие срока давности. Таким образом, авторы не согласны с тем, что в решении 2004 года о прекращении Катынского уголовного дела это преступление было квалифицировано как превышение власти, а также с доводом государства-участника о том, что расследование было ограничено сроком давности.

5.4 В отношении заявления государства-участника о том, что расследование массового убийства в Катыни проводилось по политическим мотивам как жест доброй воли, авторы утверждают, что в российском законодательстве не проводится никакого различия между расследованием уголовного дела и расследованием как жестом доброй воли. Процессуальное и материальное право применяется в одинаковой мере к любому расследованию. Они добавляют, что в 1990-х годах, когда уголовное дело было возбуждено, некоторые лица, причастные к решению Политбюро об убийстве польских заключенных, были еще живы и должны были предстать перед судом.

5.5 Авторы настаивают на том, что расследование массового убийства в Катыни проводилось после ратификации Факультативного протокола государством-участником и что процессуальные обязательства, касающиеся права на жизнь, неотделимы от материально-правовых обязательств. Таким образом, Комитет обладает юрисдикцией *ratione temporis* для рассмотрения их жалобы.

5.6 Авторы утверждают, что классическим методом, используемым международными органами при рассмотрении вопроса о юрисдикции *ratione temporis*, является проведение различия между источником права и источником спора. Первый из них может предшествовать ратификации конкретного договора, в то время как второй должен иметь место после ратификации. Они утверждают, что источником права в их сообщении является массовое убийство в Катыни в 1940 году, а источник спора касается способа проведения расследования после того, как Факультативный протокол был ратифицирован государством-участником.

5.7 Что касается существа их утверждений в связи со статьей 6, то авторы утверждают, что расследование массового убийства в Катыни привело к полному отрицанию установленных исторических фактов и перечеркнуло ожидания, которые были основаны на ранее установленных фактах. Авторы не могли предсказать неожиданных результатов расследования в 2004 году, когда их родственники вновь обрели статус «исчезнувших». Таким образом, следует пресечь попытки государства-участника утверждать, что авторы в рамках проводимого расследования должны были обратиться с ходатайством о предоставлении им статуса потерпевших.

5.8 Авторы утверждают, что при оценке представленных ими доказательств и отклонении всех их ходатайств национальные суды действовали произвольно в нарушение статьи 14 Пакта.

5.9 В связи с жалобой на нарушение статьи 7 авторы добавляют, что изменение статуса убитых лиц на «исчезнувших» является беспрецедентным в международной практике. Авторам пришлось прождать 15 лет, а затем обратиться с ходатайством о

реабилитации своих родственников после прекращения уголовного дела об этом массовом убийстве. Тогда им сообщили, что судьба их родственников неизвестна и что они «исчезли» в 1940 году. Выводы органов власти противоречили установленным историческим фактам и представляли собой отрицание факта массового убийства в Катыни. Поскольку значительная часть материалов следствия была засекречена, авторы были лишены возможности узнать об обстоятельствах казни и о событиях, связанных с этими массовыми убийствами. Отказ в рассмотрении ходатайств заявителей о реабилитации их родственников сопровождался по меньшей мере предполагаемым допущением существования веских оснований для приведения в исполнение смертного приговора. Авторы утверждают, что, будучи людьми в преклонном возрасте, они подверглись актам, которые привели к эмоциональным переживаниям, страданиям и травмам, достигавшим по крайней мере минимального порога унижающего достоинство обращения.

5.10 Авторы представляют информацию, доказывающую их эмоциональную связь с родственниками. Они, помимо прочего, писали статьи и книги о массовых убийствах в Катыни и их родственниках; занимались проведением памятных мероприятий, таких как посадка дубов в память о жертвах катынских событий, установка мемориальных табличек и присвоение школам имен погибших; а также учредили Катынский комитет национальной памяти и Федерацию катынских семей.

5.11 Авторы утверждают, что в ходе судебного разбирательства в Российской Федерации они ссылались на существо своих претензий по статьям 17 (защита доброго имени в рамках права на неприкосновенность личной жизни) и 19 (право на получение информации). Неотъемлемой частью их ходатайства о реабилитации являлось право на добрую память о родителях. В случае отказа в реабилитации убитые лица могут по-прежнему считаться виновными в совершении каких-то серьезных преступлений, влекущих за собой смертную казнь. Право искать и получать информацию связано с производством по вопросу о прекращении Катынского расследования, обеспечением доступа к материалам Катынского дела, а также принятием решения о прекращении уголовного дела.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 Прежде чем рассматривать какое-либо утверждение, содержащееся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека, действуя согласно правилу 97 своих правил процедуры, должен принять решение о том, является ли это сообщение приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом.

6.2 В соответствии с требованиями пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривается в рамках другой процедуры международного разбирательства или урегулирования.

6.3 Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что жалоба по статье 2 (пункт 3), рассматриваемой в совокупности со статьей 6 Пакта, является неприемлемой *ratione temporis*. Он принимает также к сведению утверждение авторов о том, что нарушение их прав продолжается, поскольку государство-участник не провело эффективное расследование убийства их родственников, а следовательно данная жалоба является приемлемой. Комитет напоминает, что он не имеет права *ratione temporis* рассматривать предполагаемые нарушения, которые имели место до вступления Пакта в силу для государства-участника, если только эти нарушения не продолжаются после того, как Пакт и Факультативный протокол вступили в силу для государства-участника⁴.

⁴ См. замечание общего порядка № 33 (2008) Комитета об обязательствах государств-участников по Факультативному протоколу, пункт 9; *Лавлейс против Канады* (CCPR/C/13/D/24/1977), пункт 10; *Симунек и другие против Чешской Республики* (CCPR/C/54/D/516/1992), пункт 4.5; и *Э. и А.К. против Венгрии* (CCPR/C/50/D/520/1992), пункт 6.4.

6.4 Комитет отмечает, что в данном случае утверждение авторов о продолжающемся нарушении основано на событии убийства их родственников в 1940 году, имевшем место за 36 лет до вступления Пакта в силу для государства-участника (23 марта 1976 года). Комитет отмечает, что, хотя положения статьи 2 (пункт 3), на которые ссылаются авторы в совокупности со статьей 6, предусматривают при определенных обстоятельствах продолжающееся обязательство по расследованию нарушений, имевших место до вступления Пакта в силу, такое процессуальное обязательство вытекает из материального обязательства по статье 6 Пакта. Таким образом, они могут быть применены только в том случае, если статус предполагаемой жертвы был *prima facie* установлен или признан также в связи с предполагаемым нарушением статьи 6⁵.

6.5 Комитет отмечает, что события, лежащие в основе предполагаемого нарушения статьи 6 в отношении родственников авторов сообщения, произошли в 1940 году, т. е. за 36 лет до вступления Пакта в силу для государства-участника и за 52 года до вступления в силу Факультативного протокола. Обязательство по статье 6, рассматриваемой в совокупности со статьей 2 (пункт 3), также до 1976 года не существовало и до 1992 года не могло быть предметом рассмотрения в связи с получением индивидуального сообщения. С учетом длительного периода времени, прошедшего после событий 1940 года, и отсутствия официального признания государством-участником факта нарушения прав родственников авторов в этот период Комитет не может сделать вывод о том, что в 1992 году, после вступления в силу Факультативного протокола для государства-участника, оно по-прежнему несло продолжающееся обязательство по расследованию массового убийства, совершенного в 1940 году⁶. Комитет отмечает в этой связи заявление государства-участника о том, что его внутренние суды пришли к выводу об отсутствии достаточных данных, свидетельствующих о гибели родственников заявителей в результате превышения власти должностными лицами НКВД, а также указание суда на то, что даже судьба В.В., который первоначально был признан в качестве потерпевшего, не была подтверждена окончательными результатами расследования. В свете этих замечаний Комитет считает, что он не может *ratione temporis* рассматривать утверждение авторов об отсутствии эффективного расследования убийства их родственников в соответствии со статьей 2 (пункт 3), рассматриваемой в совокупности со статьей 6 Пакта.

6.6 Комитет принимает к сведению утверждение авторов о том, что обращение с ними органов власти государства-участника и их отказ реабилитировать убитых родственников являются унижительными и бесчеловечными в нарушение статьи 7 Пакта и что в ходе проведенного государством-участником расследования статус их родственников был изменен с погибших на «исчезнувших». Комитет отмечает, что к моменту, когда большинство авторов обратились с просьбой о реабилитации их родственников в 2008 году, т. е. через четыре года после прекращения уголовного дела в связи с преступлениями Берии и других должностных лиц НКВД, тот факт, что их родственники были мертвы, не вызывал сомнений, поскольку большинству из них к тому времени уже было бы больше 100 лет, и что сами авторы в ходе разбирательств во внутренних судах настаивали на том, что их родственники были убиты во время массовых казней в Катыни. Комитет также отмечает, что авторы провели многочисленные мероприятия, с тем чтобы почтить память своих родственников, воспринимая их убийство в Катыни как установленный исторический факт. Поэтому Комитет не считает, что родственников авторов следует считать «исчезнувшими» лицами по той причине, что такой вывод был сделан в ходе расследования государством-участником этого массового убийства.

6.7 Признавая ту трагедию и боль, которую переживали авторы в течение многих лет после того, как они потеряли своих родственников в результате массовых убийств в Катыни, Комитет отмечает, что в контексте уголовного расследования решения

⁵ См. *mutatis mutandis* *C.E. против Аргентины* (CCPR/C/38/D/275/1988), пункт 5.3.

⁶ См. *Яновец и другие против России*, решение Большой Палаты Европейского суда по правам человека, 21 октября 2013 года, пункт 157.

органов власти государства-участника, которые не прояснили точных обстоятельств смерти их родственников и отклонили их ходатайства о реабилитации, были приняты более чем через 60 лет после упомянутых убийств и вряд ли могли породить в сознании авторов подлинную неопределенность относительно судьбы их погибших родственников. Кроме того, на основании представленной информации Комитет не может сделать вывод о том, что обращение властей государства-участника с авторами сообщения было явно неуважительным или унижительным или было каким-либо иным образом направлено на причинение им боли и страданий. В свете этого Комитет считает жалобу авторов по статье 7 Пакта неприемлемой в силу ее необоснованности в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

6.8 Комитет также принимает к сведению довод государства-участника о том, что авторы не обращались в органы государства-участника с требованиями о защите их прав, гарантируемых статьями 17 и 19 Пакта, и что права авторов по статье 14 были полностью соблюдены. Комитет принимает к сведению довод авторов о том, что статьи 17 и 19 были по существу затронуты в ходе разбирательств в государстве-участнике, и то, что они подтверждают свои жалобы по статье 14 в связи с рядом нарушений, допущенных в разбирательствах с их участием. Вместе с тем Комитет считает, что с учетом специфического характера данного разбирательства авторы не представили достаточной информации для обоснования своих жалоб по статьям 14, 17 и 19. Поэтому Комитет считает эти жалобы неприемлемыми в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

6.9 В свете этих выводов Комитет не считает необходимым рассматривать остальные утверждения авторов и другие возражения государства-участника, касающиеся приемлемости.

7. Исходя из вышеизложенного, Комитет постановляет:

- a) признать сообщение неприемлемым по статьям 1 и 2 Факультативного протокола;
- b) довести настоящее решение до сведения государства-участника и авторов сообщения.

Приложение

Совместное (частично несогласное) мнение членов Комитета Илзе Брандс Керис и Арифа Балкана

1. В данном деле большинство членов Комитета сочло все сообщение неприемлемым в соответствии со статьями 1 и 2 Факультативного протокола. Мы не согласны с таким выводом в отношении жалобы на нарушение статьи 7 Пакта.
2. Решение большинства членов Комитета в отношении жалобы на нарушение статьи 7 основывается на двух доводах: во-первых, поскольку с момента событий прошло много времени, то не возникает никакой неопределенности относительно смерти родственников авторов, несмотря на решения властей государства-участника, принятые в рамках современных уголовных расследований; и, во-вторых, власти государства-участника не преследовали цель причинить авторам боль и страдания.
3. Статья 7 Пакта предусматривает защиту не только от физических боли и страданий, но и от психологических переживаний и стресса¹. Что касается последнего, то Комитет неоднократно признавал, что он осознает, какому психологическому воздействию подвергаются лица, близкие родственники которых являются жертвами серьезных нарушений прав человека². В таких случаях к нарушению статьи 7 приводят последствия продолжающегося нарушения прав оставшихся в живых лиц, когда подобная ситуация сопровождается таким обращением со стороны государственных должностных лиц, которое приводит к усугублению тяжести утраты и обострению чувства общей несправедливости, с которой сталкиваются оставшиеся в живых лица. Таким образом, возникает вопрос о том, не стало ли обращение российских властей с авторами причиной психической боли и душевных страданий такой остроты, которые равнозначны бесчеловечному и унижающему достоинство обращению, запрещенному статьей 7.
4. Несомненно, на определенном этапе всякая неопределенность в отношении смерти родственников авторов исчезла бы. Однако простое признание этого факта не может положить конец страданиям и мучениям, которые авторы, скорее всего, будут испытывать до тех пор, пока обстоятельства, связанные с исчезновением и смертью, не перестанут быть окутанными ложью и обманом. С учетом отказа правительства Советского Союза признать свою ответственность авторы сообщения в течение чрезмерно длительного периода времени не могли избавиться от чувства горечи и несправедливости.
5. Официальное признание и возбуждение уголовного дела в 1990 году породили бы у авторов надежду на выяснение конкретных обстоятельств суммарных казней их родственников и на определенное историческое признание этого военного преступления. Вместо этого расследование, которое должно было вестись открыто и добросовестно, проводилось в обстановке секретности, а ответы, которые давались авторам на различных этапах, были неинформативными, противоречивыми, а порой крайне бездушными. Согласно неоспоримым фактам, авторы постоянно получали отказ в участии в расследовании, а их просьбы о предоставлении информации отклонялись на различных основаниях, в том числе поскольку расследование еще не было завершено, а также по причине отсутствия у них «статуса потерпевших». После прекращения уголовного дела в 2004 году решению о прекращении расследования был присвоен статус государственной тайны. Кроме того, было объявлено, что сами массовые убийства не равносильны геноциду (пункт 2.12 выше), другие категории военных преступлений не рассматривались, а в ходе судебных разбирательств,

¹ См. Комитет по правам человека, замечание общего порядка № 20 (1992) о запрещении пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, пункт 5.

² См. *Шедко против Беларуси* (CCPR/C/77/D/886/1999), пункт 10.2; *Санкара и др. против Буркина-Фасо* (CCPR/C/86/D/1159/2003), пункт 12.2; и *Хаджиев против Туркменистана* (CCPR/C/122/D/2252/2013), пункт 7.6.

начатых, а затем прекращенных в 2004 году, были предъявлены обвинения только в превышении власти. В конечном итоге авторам было отказано в какой бы то ни было форме участвовать в расследовании, а присвоение решению о прекращении расследования, наряду с рядом томов уголовного дела, статуса государственной тайны лишило их всякой возможности узнать истину. Отказ в реабилитации родственников авторов, обоснованный тем, что правовые основания их казни неизвестны, и, таким образом, пусть и неявно, допускающий, что они могли быть казнены на законных основаниях, является особенно оскорбительным и неуважительным (пункт 2.13 выше).

6. Презумпция определенности смерти, которая так повлияла на большинство членов Совета при принятии решения о неприемлемости сообщения, вряд ли может рассматриваться как определяющая с учетом того, что она возникла с течением времени, а не в результате какого-либо позитивного акта признания или установления отдельных фактов правительством Советского Союза или его российскими правопреемниками. Комитет ранее уже признавал факт нарушения статьи 7, возникшего в результате того, что родственники убитого лица испытывали тревогу и подвергались психологическому воздействию, не имея сведений об обстоятельствах смерти этого родственника³. В данном случае авторам до сих пор неизвестны обстоятельства смерти их родственников; после того, как государству-участнику были направлены запросы в целях получения информации о судьбе отдельных лиц, государство-участник через своих должностных лиц приводило различные оправдательные доводы, такие как недостаточность доказательств их смерти (пункт 2.15 выше); недостаточность доказательств, позволяющих сделать вывод о том, что эти смерти явились результатом превышения власти должностными лицами НКВД (пункт 4.6 выше); неполнота материалов дела; засекреченный статус материалов и даже то, что польские заключенные, возможно, были в надлежащем порядке приговорены к смертной казни за совершенные ими преступления (пункт 2.13 выше). Такие отказы и другие уклончивые ответы размывают общее признание ответственности и, ставя под сомнение установленные исторические события, неизбежно усугубляют, а не уменьшают страдания авторов. По нашему мнению, жестокое обращение, которому авторы подверглись при поисках ответов, причиняет им боль и страдания такой степени, что оно равносильно бесчеловечному и унижающему достоинство обращению в нарушение статьи 7.

7. Сомнение у нас вызывает также другое основание, на которое большинство опиралось в своих выводах, а именно то, что обращение государства-участника с авторами не было «явно неуважительным» и что оно не было «направлено» на причинение им боли и страданий. По нашему мнению, ссылка на отсутствие намерения представляется сомнительной, поскольку ни в тексте Пакта, ни в соответствующей практике никакого различия, связанного с наличием намерения, не делается⁴.

8. По нашему мнению, в своем обращении с авторами государство-участник не учло глубокие эмоциональные переживания авторов, связанные с уважительным отношением к памяти их родственников и пережитой ими несправедливостью, и непрекращающееся чувство тревоги, вызванной неспособностью установить всю полноту истины о судьбах каждого из их родственников, и поэтому действия органов власти государства-участника характеризовались безразличием и отсутствием сострадания по отношению к авторам. Подвергая эти события сомнению, отказываясь признать родственников авторов жертвами массового убийства в Катыни и тем самым отказываясь реабилитировать их, отказываясь даже провести надлежащее расследование фактов и установить нахождение мест захоронения родственников авторов, российские органы власти подвергли авторов такому обращению, которое могло без всякого сомнения причинить авторам тяжелые страдания и независимо от намерения представлять собой унижающее достоинство обращение, достигающее

³ См. *Санкара против Буркина-Фасо*, пункт 12.2; и *Щедко против Беларуси*, пункт 10.2.

⁴ См. замечание общего порядка № 20 Комитета, пункты 4 и 5.

минимального порога нарушения статьи 7 в соответствии с толкованием, данным Комитетом в его предыдущей практике⁵.

9. Все авторы этого сообщения, кроме одного, являются детьми польских военнопленных. Даже если они были слишком молоды или еще не родились в то время, когда их отцы были казнены без суда и следствия, они непосредственно ощутили острую боль от этой утраты, поскольку их связывали тесные родственные узы. Авторы выросли без отцов, и память об этой трагедии, скорее всего, остро ощущалась при каждом событии в их жизни, как особенном, так и повседневном. Их тесная эмоциональная связь с родственниками очевидна во всех их действиях, направленных на то, чтобы почтить их память; одновременно с этим они всегда помнили о жестокости тех событий, а горе утраты, которую они пережили, и чувство неопределенности в отношении обстоятельств смерти их родственников не ослабевали. Напротив, эти страдания обострились в результате того обращения, которому они подверглись со стороны российских властей. Именно по этим причинам мы бы признали факт нарушения статьи 7.

⁵ См. *Санкара против Буркина-Фасо*, пункт 12.2.